

Николай Гаврилович Чернышевский

Мастерица варить кашу

Николай Чернышевский
Мастерица варить кашу

«Public Domain»

1872

Чернышевский Н. Г.

Мастерица варить кашу / Н. Г. Чернышевский — «Public Domain», 1872

«...Действие происходит около 1856 г. на очень скромной, почти бедной даче неподалеку от Москвы...»

Николай Гаврилович Чернышевский

Мастерица варить кашу

Действующие лица:

Агнеса Ростиславовна Карелина, урожденная Серпухова, богатая и красивая вдова 28 лет.

Андрей Дементьевич Городищев, управляющий Карелиной. Джентльмен 29 лет.

Сидор Иванович Иннокентиев, библиотекарь Карелиной, 57 лет.

Иван Саввич Румянцев, писарь Городищева 24 лет.

Надя, горничная Карелиной 22 лет.

Платон Алексеич Клементьев, человек без особенного звания и состояния 27 лет.

Действие происходит около 1856 г. на очень скромной, почти бедной даче неподалеку от Москвы.

Действие I

Сцена – маленький зал, меблированный с идиллической простотой.

Явление 1

Надя шьет, Клементьев тихо входит, останавливается подле двери, молча ждет, покуда Надя заметит его. Но она шьет, не поднимая глаз.

Клементьев. Надежда Всеволодовна!

Надя (слегка вздрагивает; дружески и с упреком). Платон Алексеич! Вы! Как вы здесь! (Между тем он подходит к ней и протягивает ей руку. Она берет ее.)

Клементьев. Я приехал чтобы опять поговорить с вами.

Надя. Боже мой, да вы смеетесь!

Клементьев. Нет, Надежда Всеволодовна.

Надя. Господи, – да как же это можно! В пять лет, чтобы молодой человек не забыл! Ни за что не поверю! Особенно, когда и в то время вы не могли думать этого серьезно.

Клементьев. Вы не могли тогда понимать серьезно, вы были слишком молоды, а теперь я хочу требовать решительного ответа. – Вы еще никому не давали слова? Да сядем же (салятся). Друг мой, Наденька, ты еще никого не любишь, тебе некого полюбить кроме меня, – ты будешь любить меня?

Надя (молчит – принимается шить).

Клементьев. Наденька, милая моя, единственная моя милая. – Кому полюбить тебя, кроме меня – полюби меня, моя добрая, ненаглядная (берет ее за руку).

Надя (вырывая руку). Стыдно вам, грех вам, Платон Алексеич, обнимать честную девушку (закрывает лицо руками и плачет).

Клементьев. Наденька, пять лет прошло с тех пор – и ты осталась прежняя! (Это с сожалением и тихим упреком.)

Надя (по-прежнему). И вы не переменились! Как тогда хотели обольстить меня, так и теперь!

Клементьев. Наденька, не ко мне, а к тебе идут слова: не стыдно ли, не грех ли тебе обижать меня.

Надя (тверже прежнего). Нет! Я не обижаю вас, Платон Алексеич. Я только думаю о вас правду.

Клементьев. Тогда я хотел обольстить вас, Наденька! Когда ж? Когда бывало, по детской резвости, вы подбежите, и поцелуете меня, а я скажу: не хотите венчаться со мною, то не хочу и целовать вас, – бывало ли так, Наденька, или нет?

Надя (молчит).

Клементьев. То было ли хоть раз, что я заигрывал с вами? Как же это в то время я обольщал вас? А теперь? Или за границей мало девушек, некого было обольщать? Если бы мои мысли были об этом, некогда было бы мне и вспомнить про вас, расстаться с тою жизнью, чтобы ехать сюда. Там лучше жить, нежели у нас. Вы сама, Наденька, можете понимать это. Вы видите, самые лучшие вещи, какие у нас есть, едут к нам из-за границы. Зачем же бы мне ехать назад, если бы вы не были для меня милее всего на свете?

Надя (подпирается лицом на руки и сидит задумавшись, молча).

Клементьев. Что же вы скажете, Наденька, – все-таки я только обманываю вас?

Надя (молчит).

Клементьев (жмет ее руку, оставляя эту руку в прежнем положении, как она подпирает лицо). Что же, Наденька: обманываю?

Надя (опять закрывая лицо, но теперь не с рыданием, а только грустно). Я не знаю, что мне думать, Платон Алексеич.

Клементьев. Как вам кажется, Наденька: то, что я говорил вам?

Надя. В этом я не сомневаюсь, Платон Алексеич.

Клементьев. И все-таки я обольщаю вас?

Надя. Может быть, и обольщаете. Должно быть, что обольщаете.

Клементьев. Как же это сойдется одно с другим: я говорю от чистого сердца, и обольщаю.

Надя. Вот как, Платон Алексеич: вы думаете что это так будет, а этого не может быть, потому этого и не будет.

Клементьев. Чего не будет? Чтобы мы повенчались? Когда я одно только и говорю вам: повенчаемся.

Надя. Я не сомневаюсь, вы честный человек, Платон Алексеич. Я не умею говорить. Я сказала так, что мои слова вышли напрасной обидою для вас. Не то, что невозможно, чтобы вы повенчались со мною, – а только, это не хорошо.

Клементьев. Почему же не хорошо?

Надя. Вы дворянин, Платон Алексеич, а я мещанка.

Клементьев. Повенчаемся, и вы будете дворянка.

Надя. Этого не переменить никакой свадьбою, своего происхождения, Платон Алексеич.

Клементьев. Ваша правда, Наденька. Но умным людям нет дела до того чья кто дочь, – они смотрят на то, какая у нее душа.

Надя. У мещанки и душа мещанская, Платон Алексеич.

Клементьев. Это как, Наденька? Помилуйте, вы говорите бог знает что такое.

Надя. Это правда, Платон Алексеич, я сказала глупо, потому, что не умею говорить, как должно. Душа у мещанки разумеется такая же, – не в душе разница, конечно, а в мыслях, в понятиях, в разговоре, в поступках. У мещанки все это мещанское, не благородное. О чем мои мысли? Как угодить Агнесе Ростиславовне. У барышни нет таких мыслей.

Клементьев. Точно: вы думаете о том, как исполнять обязанности, а барышня о том, как вертопрашничать. Вы о деле, а она о безделье. Разница большая, только не в выгоду барышни.

Надя. Нет, Платон Алексеич, в выгоду. У нее мысли свободные, а у меня рабские. И понятия у нее поэтому хотя и пустые, а все лучше моих, потому, что у меня понятия подлые.

Клементьев. Наденька, побойтесь же бога. Что говорите? Я человек смирный; но вы меня выводите из терпения, – рассержусь. У вас подлые понятия! Что вы это? Помилуйте!

Надя (улыбается). В самом деле, какая у вас привязанность ко мне, Платон Алексеич! Если бы только было можно, ей-богу, следовало бы мне итти за вас. (Переходя к серьезности.) Разумеется не найдется другого человека такого доброго ко мне. Только этому не следует быть, Платон Алексеич.

Клементьев. Подумайте хорошенько, и увидите, что следует.

Надя. Какая же я вам жена, какая подруга жизни? Видите, я говорить с вами не умею. А куда же годилась бы я в благородном обществе? Для горничной держу себя хорошо, а благородною дамою, что была бы я? Посмешище для всех. Что шаг ступлю, что взгляну – все не по-благородному. Манер нет, поступки не те, разговор не такой, как требуется в хорошем обществе.

Клементьев. Что нам требования общества? Были бы мы хороши друг для друга, и довольно.

Надя. Не совсем довольно, Платон Алексеич. Для мужа не может быть приятно, когда его жена посмешище для всех, – да и для нее-то самой не легко переносить, если из-за нее все смеются над мужем, осуждают его, жалеют.

Клементьев. Пустяки, Наденька.

Надя. Нет, Платон Алексеич.

Клементьев. Ну, если бы и нет, этой беде не мудрено помочь. Возьмете несколько уроков у какой-нибудь доброй, молодой дамы из знакомых, какие тогда будут у вас, – выучитесь ходить и глядеть по-светски – наука не трудная, поверьте.

Надя. Положим, что я и поверю вам, что манеры – это пустое. Но то не пустое, о чем вы не дали говорить, Платон Алексеич: какие понятия у человека. Благородная, если у нее есть совесть, обо всем судит по своей совести, что хорошо, что худо. А у меня, Платон Алексеич, вместо совести – госпожа. Что хвалит Агнеса Ростиславовна, то и хорошо; как же это не рабские понятия, не подлые? Нет, Платон Алексеич, вам не годится так меня любить. Не могу я согласиться на то, в чем вы стали бы потом раскаяват... (взглядывается и прислушивается). Кто-то идет, – а у меня глаза заплаканные, – увидят, будут расспрашивать! (Между тем встает.) Уйду (уходит).

Явление 2

Клементьев. Входит Городищев.

Городищев (входя). Где ты, Надень... (обрывает речь, видя Клементьева). Monsieur, je suis tout etonne.

Клементьев (протягивает ему руку). Опасаетесь, не хочу ли я волочиться за Агнесою Ростиславовною? Да я и в то время не думал. Напрасно подозревали.

Городищев (кашляет принужденно, и смотрит дипломатически). Да... но... Впрочем... Как честный человек, я понимаю вас, Клементьев, и верю вам. После об этом. Прежде всего я должен исполнить поручение, которое мне дала Агнеса Ростиславовна, исполнения которого она ждет. (Оборачиваясь к двери, громко.) Наденька, пойдя сюда.

Явление 3

Те же, Надя.

Городищев (милостиво). Агнеса Ростиславовна присылает тебе, Наденька, приказание и подарок. Вот подарок (вынимает из бокового кармана бумажку, разворачивает и протягивает в сторону, где у дверей стоит Надя). Конфетка, – и как видишь (Надя между тем подходит взять) откушенная, – это откушено самою Агнесою Ростиславовною (все чувствительнее и внимательнее). Ты понимаешь, Наденька: она дарит тебе ту самую конфетку, которую кушала сама.

Надя (берет). Покорно благодарю, Андрей Дементыч. (Отходит на прежнее место.)

Городищев. Мне нравится твое чувство, Наденька. Но положи в рот эту конфетку, и будет сладко. Что же ты не ешь?

Надя. До обеда не стану есть ее, Андрей Дементыч. Съем после обеда.

Городищев (слегка приложив руку ко лбу). Да, это сообразно с правилами диететики. (Отнимая руку ото лба.) Я одобряю твою мысль, Наденька (едва договаривает, торопливо хватаясь опять за лоб – молчит. По размышлении опуская руку). Я нашел средство примирить ее интересы. Видишь ли, милая Надя. Какое затруднение представилось мне. Что, если Агнеса Ростиславовна спросит меня, понравилась ли тебе конфетка? Как сказать ей, что ты еще не съела. Быть может, она была бы огорчена мыслью, что ты не спешила воспользоваться ее подарком. Я не хочу стеснять твои намерения, Наденька, не хочу мешать твоим диететическим удобствам. Но еще менее могу я допустить огорчение до сердца Агнесы Ростиславовны. И так, не принуждаю тебя съесть эту конфетку сейчас же; но скажу Агнесе Ростиславовне, что она уже съедена тобою. Ты понимаешь меня, милая Надя? Скажи, как ты понимаешь мою мысль?

Надя. Это значит, если Агнеса Ростиславовна спросит меня о конфетке, я должна сказать ей, что я уже ее съела.

Городищев. Именно так, милая Надя. (К Клементьеву, дипломатически улыбаясь.) Вам быть может, кажется, что я мелочен в моих предосторожностях. Но прошу вас вспомнить, как деликатны чувства Агнесы Ростиславовны, и вы согласитесь, что вопрос, по-видимому довольно индифферентный, может иметь свою важность для человека, который обязан отвращать всякие огорчения от этого ангельского сердца.

Клементьев. Агнеса Ростиславовна добрая женщина, согласен; согласен и в том, что она всегда была сентиментальна до смеш... .

Городищев (хватая его за руку). Ради бога! (Наде.) Оставь нас одних. Через минуту я позову тебя. (Надя уходит.)

Явление 4

Городищев, Клементьев.

Городищев (с деликатным упреком). Клементьев, можно ли так говорить при Наде? Развитый ум знает, что каждый человек имеет свои недостатки, или слабости, и видя их, не перестает ценить то, что есть прекрасного и возвышенного. Но для грубого простонародного воззрения нет середины между слепым обожанием и кощунством. Чтобы остаться хорошо служанкою, Надя должна видеть в Агнесе Ростиславовне идеал совершенства. Это *conditio sine qua non*. Наше отношение к вопросу может быть иное, я не отвергаю того, и буду говорить с вами откровенно. Вы хотите сказать, что Агнеса Ростиславовна отчасти смешна.

Клементьев. Я хотел сказать, что прежде она была довольно забавна, но все же не доходила до такой щепетильности, какая заботит Вас. Или вы выставляете смешнее, чем она в самом деле, или вы слишком испортили ее этою заботливостью угодить ей во всяком вздоре.

Городищев (искренно и улыбаясь). Теперь я спокоен! Пусть будут у вас какие угодно намерения, вы не можете повредить мне, когда у вас такой взгляд на вещи. (Хочочет. Глубокомысленно.) Без глубокого убеждения, что воля Агнесы Ростиславовны – святой закон, вы не можете угодить ей, как бы ни старались! Не достанет воли, не достанет силы! Не будет искренности, теплоты! Вы видите, я играю с вами в открытую, Клементьев! Я могу играть так: в вас нет убеждения, которым силен я – и я непобедим!

Клементьев. Вы остались бы победителем, если бы я стал соперничать с вами. Но ваши сомнения были напрасны: я слишком далек от мысли отнимать у вас сердце Агнесы Ростиславовны. Я женюсь – женюсь по любви.

Городищев. Честное слово?

Клементьев (жмет плечами).

Городищев (с искренним восторгом). Я всегда знал вас за человека умного и благородного! Поверьте мне, вы избрали вернейший путь к счастью! Завидую вам (вздыхает, размышляет, и с пафосом, отчасти мрачным). Да, завидую! Ах, зачем я проникся этим несчастным чувством! Поздно вырвать его из моего сердца, – но клянусь вам, я отдал бы десять лет жизни за возможность излечиться! Клементьев! (Хватает его руку.) Моя жизнь – это пытка! Нет дня, в который бы я не проклинал себя за выбор этого тернистого пути, по которому ступаю истерзанными ногами, изнемогая под бременем бесчисленных забот! Вы говорите, я избаловал Агнесу Ростиславовну. Счастливцев, вы не были близок с нею, вы не знаете эту женщину! Вы говорите, она добра. Быть может. Но праздный ум, привычка считать себя центром вселенной, осью мироздания, – прихотливость фантазии, сумасбродная раздражительность самолюбия, ненасытимость подобострастных комплимент... (входит Иннокентиев).

Явление 5

Те же, Иннокентиев.

Иннокентиев (становится в позу и декламирует).

В цвете моих лет
Я построю шалет
И буду с тобою, мой друг,
Жить там с любовью вдруг.

Вот начало идиллии, Андрей Дементыч. Агнеса Ростиславовна прислала спросить вашего мнения.

Городищев. Скажите, что превосходно. Нежность Петрарки, художественность Гёте, энергия Байрона.

Клементьев. Здравствуйте, Сидор Иваныч.

Иннокентиев. Здравствуйте, Платон Алексеич, очень рад! Но некогда. Агнеса Ростиславовна ждет меня – она ушла из беседки, Андрей Дементыч, сидит под липами.

Городищев. Сейчас приду. (Иннокентиев уходит.)

Явление 6

Клементьев, Городищев.

Городищев. Вы видите! И я должен не только хвалить, – должен сотрудничать, отделять! И поэзия, и музыка, и живопись, и все, чего хотите! То помогай ей, то сам выдумывай для нее! О, я научился понимать, как искренно и глубоко тяготилась жизнью madame Maintenon! (Вздыхает.) Пишет идиллию! Ах, если бы только писала, – а то из жизни вздумала сочинять идиллию. Видите, в какую глушь забрались, в какой лачуге живем. Нам надоел шум и блеск, и богатство тяготит нас. Мы хотим наслаждения природою, сближения с народом, нам нужна крынка сливок и любовь, – и любовь идеальная, платоническая: вот уже третий день пробавляемся только поцелуями, – баба здоровая, разбирает ее, – стонет даже, а все-таки не смей итти дальше поцелуев. И таким-то образом, мы счастливы под убогою кровлею. – «Я построю шалет» – чего, построю! Уже построила, – или все равно, наняла! (Вздыхает.)

Клементьев (с добрым беспокойством). Да что ж это? Она больна? Физически или нравственно?

Городищев. Какое! (Вздыхает.) Душою здорова, как телом, а телом как корова. С жиру бесится и от глупости. Только.

Клементьев. Послушайте, Городищев: все-таки, не хорошо так говорить о ней. Она в сущности добрая женщина.

Городищев. Добрая, не спорю. Даже отчасти и люблю ее, – вы не поверите, а люблю. Но (ожесточенно махает рукою)... Желал бы я вам побыть неделю на моем месте, и послушал бы тогда, что вы заговорили бы! (Вздыхает.) Надобно итти к ней, ждет. (Громко.) Наденька, войди сюда.

Явление 7

Те же, Надя, как прежде останавливается у дверей.

Городищев (важно и ласково). Я передал тебе, Наденька, подарок Агнесы Ростиславовны, остается тебе выслушать ее приказание. Возьми две столовые ложки одеколона, одну ложку винегр-де-туалет, влей в чашечку и поставь согреться. Также согрей и держи согретыми свои руки. Слышишь, милая Наденька?

Надя. Слышу, Андрей Дементыч (хочет итти).

Городищев. Постой. Нет, рук не грей. А возьми большую мису, налей теплую водою и поставь на уголок очага, чтобы вода держалась теплою, очень теплою, – пока понадобится, потому что у меня есть мысль... Но если б и не так, то и для тебя удобнее, свободнее, – зачем же тебе жечь руки, когда можно обойтись без этого. Ты понимаешь, для чего вода?

Надя. Чтобы согреть в ней руки, когда будет надобно.

Городищев. Так. Соразмеряй температуру воды с этим назначеньем. Чем теплее, тем лучше, – но чтобы не было кипятка, чтобы не обожгла. Иди же и займись этим порученьем, Наденька. (Надя уходит. Городищев Клементьеву.) Вы извините, – Агнеса Ростиславовна ждет меня помогать ей продолжать идиллию. Я думаю, мы скоро придем сюда, или я пришлю за вами. Кстати, зачем же приехали к нам? Вы женитесь, у вас нет денег, – угадываю, милый друг, – не сомневайтесь, Агнеса Ростиславовна с удовольствием поможет вам. Она капризна, но вы знаете, она очень добра (уходит).

Клементьев (останавливая его). Моя просьба к ней вовсе не о деньгах. Моя невеста...

За сценою голос Румянцева: «Андрей Дементыч, Агнеса Ростиславовна вас зовет...»

Городищев. Иду, иду (убегает, в дверях сталкиваясь с Румянцевым и увлекая его).

Явление 8

Клементьев, потом Надя.

Клементьев (идя к дверям во внутренние комнаты). Надежда Всеволодовна, где вы? Могу я взойти?

Надя (за сценою). Нет, Платон Алексеич, здесь такая теснота, столько вещей нагромождено везде, повернуться негде. Лучше я выйду к вам (выходит).

Клементьев. Вы сказали, Надежда Всеволодовна, что если бы можно было вам итти за меня, вы пошли бы. Чего же было мне ждать больше? Я сказал Городищеву, что женюсь.

Надя. Напрасно вы говорили ему об этом, потому что этого не будет, и прошу вас, не начинайте говорить с Агнесою Ростиславовною, потому что вы только расстроите ее – и я сказала: не могу итти за вас, Платон Алексеич. Вы разлюбили бы меня, – пошли бы ссоры между нами, – или молча вы стали бы горевать и стыдиться, – это все равно, если еще не хуже, нежели ссоры, – только и было-бы, что погубила – бы я себя своим согласиём, погубила бы и вас.

Клементьев. Что за фантазия Надежда Всеволодовна.

Надя. Не фантазия, Платон Алексеич, а горький опыт.

Клементьев. Скажите, пожалуйста, какая вы опытная! Верно уже много раз выходили замуж и губили и себя и мужей?

Надя. Не смейтесь, Платон Алексеич, я говорю правду.

Клементьев. Помилуйте, можно ли не смеяться? – «Опыт», где он был у вас? Я видел из письма Сидора Иваныча, что вы живете все так же, как жили при мне. Если бы я не знал, что у вас благородное сердце, расположенное любить, жаждущее любви, можно бы подумать, что вы бездушная эгоистка. Красивая девушка – и держит себя так, что никто не решается сказать ей комплимент. Признавайтесь: верно вы дали обещание прожить век монашенкою, – так?

Надя. Я держу себя, как должна себя держать девушка в моем положении, так велит рассудок. Не забывайте, кто я. Сирота служанка. Кто вступился бы за меня? У кого достанет совести не наговорить мне дерзостей, подлостей? Благородная девушка может и дружиться с мужчинами, и шутить с ними. А я, – только взгляни на мужчину, – и посыпались на меня обиды. Пусть же лучше говорят обо мне, что я и безжизненная, и бессмысленная. Вы должны понимать это и стыдно вам смеяться за то надо мною.

Клементьев. Я надсмеялся только над тем, что вы заговорили об опыте, а опыта у вас и теперь столько же, как было при вашем рождении. Вы еще не жили, Надежда Всеволодовна.

Надя. Правда, Платон Алексеич. Своего опыта у меня нет. Но чужого довольно, слишком довольно.

Клементьев. То есть, вы видите, что счастливые браки – очень редки?

Надя. Не перетолковывайте моих слов в глупом смысле, Платон Алексеич. Мои слова вовсе не о том. Когда венчаются люди честные, рассудительные, по взаимному расположению, – венчаться им не страшно, если они равные между собою: редко ли мы видим счастливые браки, а их брак наверное будет счастлив. И дай бог, чтобы было больше таких. Я говорю только против неровных браков. Их тоже не мало, – но бывают ли в том числе счастливые, я не видела; и думаю, что не может быть. Муж не муж, если не ровный жене; он тиран, или тряпка, о которую жена вытирает ноги, жена не жена, если не ровная мужу – она или деспотка, или интриганка, или бедная жертва тиранства, – во всяком случае, на мой взгляд, лучше быть

не только монахиней, как вы подсмеялись надо мною, – лучше быть самою жалкою женщиною нежели такою женою.

Клементьев (понемногу опускавший голову, трет лоб). Однако... однако... (принужденно смеется). Хороша же вы служанка, Надежда Всеволодовна! Вы не то что республиканка, – это еще куда бы ни шло, – вы нивеллизаторка! С такими понятиями, действительно, очень удобно и приятно быть служанкою!

Надя. Не понимаю этого нового имени, которое вы выдумали в насмешку надо мной, Платон Алексеич. Вижу только, почему вы смеетесь. Потому, что вам нечего возразить против моих слов.

Клементьев (сидит задумавшись). Скажите, Надежда Всеволодовна: должно быть вы много читали в эти годы!

Надя. В пять лет разве пять книг, Платон Алексеич, да и то, сколько могу судить, глупых.

Клементьев. Откуда же вы приобрели такие убеждения? Говорили с кем-нибудь, умным и развитым и честным человеком?

Надя. Честных людей много на свете, Платон Алексеич. Случается и мне говорить с ними. А из ученых и образованных, кому же, кроме вас, охота заниматься мною? Смотрела, как живут люди.

Клементьев. В самом деле, какую глупость я сказал. Будто правильный взгляд на жизнь почерпается из книг. Будто позаимствуешься им из разговоров с учеными!

Надя. Хорошо вам так отзываться о книгах и об ученых, Платон Алексеич, – вам приелось все это. А нам, бедным, как полезно было бы хоть немножко того, чем вы пренебрегаете! И видим мы все кругом себя, и будто правильно понимаем свое положение, – а смотрим, смотрим, думаем, думаем, – я ничего не можем разобрать, и ничего не придумаем. Я говорю не о себе, – моя жизнь лучше многих, – я говорю вообще. Да вот, например, когда вы пришли, я сижу, шью, а сама что думаю? Пробежали мимо окна три мальчика, – один сирота, у другого отец пьяница, у третьего отец больной, а семейство – полна изба; я и задумалась: что-то будет с вами, три мальчика? Кому из вас вором стать, кому с голоду умереть? А будет ли кому и пожить, как следует человеку...

Клементьев. Народ не может придумать, – и мы, ученые, ничего не можем... Ничего... (с опущенною головою).

Надя. Вы должны. Это ваша обязанность.

Клементьев. Может быть и придумали бы. Может быть, и придумали. Это так. Это мы только говорим в оправдание народу, будто виновато наше незнание. Знаем, что нужно. Задача не мудрая. Давно все известно. Но что мы будем делать, что мы можем сделать, когда народ не хочет того, что...

Явление 9

Те же, входит Румянцев.

Румянцев держит себя так, как будто бы Нади не было тут. Она для него существо совершенно индифферентное, как для бесполой пчелы другая пчела, хотя бы бесполоая, хоть бы трутень или царица все равно, вероятно, существа бесполоые.

Румянцев. Андрей Дементыч извиняются перед вами, Платон Алексеич, в том, что Агнеса Ростиславовна изволила долго задержать себя и его вместе с собою над видом реки и кормлением рыбок, в ней плавающих, и они, то есть Андрей Дементыч, приказали мне занимать вас, чтобы вам не было скучно одним. Вы изволите помнить меня, или забыли, Платон Алексеич? В последнем случае буду иметь удовольствие представить себя.

Клементьев. Не трудитесь. Я помню, кажется, помню даже ваше имя и отчество, – Иван Саввич, так?

Румянцев. Точно так-с. Покорно благодарю. Позвольте сесть, Платон Алексеич?

Клементьев. Сделайте одолжение (молчание).

Румянцев. Я хотел посоветоваться с вами, Платон Алексеич.

Клементьев. Слушаю вас.

Румянцев. Позвольте попросить вас посмотреть, как я одет, – не правда ли, хорошо-с? (Показывает ему все части своего туалета.) Вот сюртук-с (или «вот пальто» – если он в пальто, – и в остальном также можно переменить. Все равно что бы там ни было на Румянцеве) (подносит полу). Хороший-с. Вот жилетка (расстегивает верхние пуговицы, чтобы лучше было выпятить вперед на показ). Тоже хорошая-с. Теперь, с вашего позволения, панталоны-с (приподымает колено и оттягивая брюки от сапога) и панталоны очень хорошие-с. Возьмите наконец и сапоги-с (подымает ступню, даже вставая, чтобы удобнее вывернуть ногу). Все как следует, и каблуки-с (подвертывает подошву вверх) – о галстухе даже нечего и говорить, потому что это самая первая вещь в молодом человек (вытягивает концы галстука). Это уже всякий понимает, должно быть хорошо. (Садится.) Словом одежда хорошая-с, вы согласитесь. Теперь, позвольте же спросить вашего мнения: для чего я так одеваюсь? – Потому что это стоит денег. Другие молодые люди щеголяют для девиц и барышень; это резон-с; я согласен. Но мне для чего же? Как я должен объяснить себе это?

Клементьев. Вы не думаете о том, чтобы нравиться девицам и барышням?

Румянцев. Не имею этого желания.

Клементьев. Когда так, то я не знаю, для чего же вы так щеголяете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.